

ОЛЕГ НЕМЦОВ

СЕРЕБРЯНЫЙ
ГВОЗДЬ

Немецкий дом Ванека, Тулэ

M•Graphics Publishing, Boston

Олег Немцов

СЕРЕБРЯНЫЙ ГВОЗДЬ

БОСТОН • 2017 • САН-ФРАНЦИСКО

Олег Немцов

Серебряный гвоздь

Oleg Nemtsov

Silver Nail (Serebryanyi гвозd')

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2017 by Oleg Nemtsov

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220758

Library of Congress Control Number 2017915423

Иллюстрации: © Wikimedia Commons

В подготовке издания принимали участие:

M•Graphics Publishing, Boston и

Издательство «Немецкий дом Ванека», Тула

Printed in the USA

Всё прекрасно
Хронос победил
Наши в городе
Ползут стесняясь
Своего числа
А Гея вновь плодит
Чад, обильем содрогаясь.
Хоть и видела, пожалуй, всё
Заточенье и изгнание
Погани
И с нею совладанье
Кто с собой не может совладать
Землю ест.
Протянет еле-еле
Только праздновал
На самом деле
Может зашататься и упасть
Хотя пакости не надоели
Думает, что Хронос заточён
И останется на той неделе
Рад построить план до кирпича
Те кирпичные
А морг белеет
Лампочка титана не поспеет
Контур трупа выхватить
Трофею почести чрезмерные не смеет
Многочисленной беде воздать
Что мне толку в таком триумфе
За версту гремит прогнать
Хоть тебя по-старому люблю я
Даже не попробую узнать.

СОДЕРЖАНИЕ

Серебряный гвоздь. *Стихи*

9

Беспримерная защита твердыни
города Кёнигсберга задним числом
Роман «По дрезденскому счёту» часть 2

37

Прежде опубликованные стихи
под редакцией Александра Чаговца

79

СЕРЕБРЯНЫЙ ГВОЗДЬ

II

Возьми для удовольствий индугенций
Из лап прелата
Чтобы перепало кому попало
На того напали
И морем удовольствий проплывая
Но бешенство напрасное лелея
И проткнутым оленем пало бремя
Не вызывая всадников волнения до времени
Их просто так по волнам не носило
Не различая что и впрямь красиво
Тянуть свой арбалет они устали
То дало стрекача, но их качало
Утраты в кутерьме той не приметя
На листьях мёд налип
И сладкий вертел
Для всяческой туфты срезая знали б
Что слаще развлечений сами пчёлы
К рахату старому лукуму не влечёт их
За тридевять земель покажут жопу и жало
Ведь только для тебя стрела визжала
И лань себя изжила
Пойди и искупайся в сладком жире
Лишь приторные ванны принимая вступаешь
в дряблость жизни

Дрянь медузы
Почешешься взамен пчелы укуса
Как груди Ферреоль примерно муссы
И так невкусно, по-другому тошно
Останется банальность индугенций
И счастье зла
Откупишься не златом
Подует поцелует всё пройдёт
Лишь только ей ходить невиноватой.

III

Город немощи
По утащению мощей
Нищий колбаской
И до событий был пуст
Те ещё мощи
Та ещё пища
Как повывезли окорок из катакомб

Ничего не осталось святого
Сведут ветчину и салами
Чего только не
Панчетты никто не вернёт
Ни пороси погостить и грустить сарацину
Soprassata на ветер на север от сердца
к засранцу плывёт

Только молятся
Бесы епископ едино
Crudo Prosciutto и Cotto аборигену грубят
Самый главный
В зелени ливера лавра от митры до пят
Кажет хвост завитушкой в взвихренях
зелёного моря

Скандала и не было
Как боровом был замят

Что будем есть?
Наступает снедь на Европу
Лари в гирляндах сосисок сарделек и пр.
Нет, не прыскают, просто смердят
И не ври
Что причастны тому голодари
Анахореты тем менее столпники
Дьявол кажет коленки Пиналь им
В столбиках пыли Сильвии матроске глядь налегке
Торжества буженины транжиры
Ранжиру безумия вопреки.

**БЕСПРИМЕРНАЯ ЗАЩИТА ТВЕРДЫНИ
ГОРОДА КЁНИГСБЕРГА ЗАДНИМ ЧИСЛОМ**

Это не вполне бред сумасшедшего... Это мнение. Тех, кто правит литературой. Мадам кладут в рот чёрный шар, ага — агат. С тех пор молчит, но и раньше ничего не сболтнула б. Кого, блядь, с кем ни обманывала. «Говорила по-русски и жалела меня», — не театр, чисто бродячий цирк. Да и не скажем мы никому, да и близостью это едва ль назовёшь. Намекнём чего не было. Как пожелаете, потом не жалейте.

Рожала, рожала толстых мальчиков — в законном браке со спесью. Целые сопливые деревни от кого придётся, уродила несколько уродцев, они даже не крикают, только покрикивают и никак не отражаются в мутном от ила прудике, а после — лебеди, они и есть те, кто мутит воду, так даже рыла в ил не оставишь. На беду лебеди из скверной сказки для столь взрослых, что не могут поверить сказке, с печальным, как русская осень, концом, но тут, правда, концов не найдёшь, не утяти от безутешности пейзажа как навеселе, у тех одно на уме, у них Италия на уме за неимением иных утех, клин в сторону страны с умеренным климатом, где, собственно, благодаря им, ещё есть какой фавн и всамделишный Вахх, они выкрикивают что-то ещё. Но вы знаете, чем красивей птица, тем гаже она кричит.

ПЕРСИДСКАЯ БИРЮЗА

Если строго следовать за моей женой, в Венеции чревато фордыбачиться — не поешь как человек, можно плюс к поест и выпить и всё по-человечески сбрасывать пепел от сигареты натурально куда приходилось Дуче, то есть пепел валится с шиком в чугунную штуку — треножник, он треножник и есть, он им остался, здесь-то вода мёртвая, а так-то много всякой сбыли с рук и ещё крови. Ну, мы, конечно, тоже не сидели сложа руки, но теперь это уже всё как голубая дивизия, ну, почти как сфумато — какие-то отдельные декаденты путались под ногами, эти ноги зачем-то освобождённые от кандалов что-то изображали, что получилось — тяжёлая

поступь, ну, это слишком схематично, к примеру, они топтали нас в Страсбурге... поотбивали нам всё, не сумели сбить спесь, вот ты куришь в зимнем садике... какой-то учитель гимназии, там у нас второстепенный художник, тот хоть пытался им что-то нарисовать вроде юшки под носом, но ужасно горячился, про него говорили, что он не пил, это всегда неправильно, вот я месяц не пью, так я больной, ну и тот видно здоровьем не отличался — контужен и туда же с евреями и начал с немецких, среди коих не циркулировало социалистических идей не разило от них ни луком ни чесноком и больше всего напоминали они воспитанных немцев, коими и являлись, лоск, пошитый из экстравагантности, а то ли наоборот, но нет, не перелицованный лапсердак, то есть, была другая Европа со своими евреями и разлившимся Вислой Сеной Днепром Чёрным морем разлитым антисемитами; и была Германия, где евреи были приятные и уже было готовые поедать сосиски, антисемиты уж очень отвлечённые, но тут подранило австрийского ефрейтора и из подземельев высунул перепачканное мазутом рыло Дита деть, а дальше-то вы как раз ничего не знаете, и я тоже, и не собираюсь в этом разбираться.

Зато я готов лечь под траурный кипарис, в изобилие произрастающий, что было Священной Римской Империей, граб, бук, дуб, липку, наконец, с просторов империй Германской, а хоть бы Австро-Венгерской (здесь неувязка — колбаску я предпочитаю венгерскую, но в Венгрии деревьев не так чтобы много); ёлки-моталки, ёлку Российской бескрайней Империи зажмуриться и открыть рот, дожидая посыпавшейся колбаски, это ли страна дураков у Брейгеля она ли лентяев, я тот, что гульфиком кверху меж вооружённым яичком и гусиком, я, правильно, выпить хочу, и совершенно безразличен к судьбам недоразвитых равно бойко развивающихся народов и рас, не видать им, что мы выпили и съели, сидя там, на обоих берегах Рейна.

Отряжённый в балтийский обжирательный корпус по причине надобности обожрать славян и превратить прибалтов в отбалтов (последнее нам прекрасно удалось, ещё

у русских куда-то пропала чёрная икра, но это не мы, при нас была в изобилии и надо понять правильно, это была нормальная ежедневная еда, только вкусная) то есть, предполагался размах покушения на всякую недурную рыбку, грибки, чёрных и красных равнокрасивых головастиков, и чего там они у кого переняли, я несколько смущён сухариком, мне теперь причитающимся, то есть постепенно понимаешь, что у старшого-то Брейгеля валяются пораненные панкреатитом, и мои сокорытники так лежат, потому что Богу душу отдали, вот и на меня яичко вызверилось, и что вот мы ещё с тобой погуляем и по рюмочке выпьем — это если яичко мимо проковыляет, в Вену, в Вену, никогда не на Белград, лучшая экспозиция Брейгеля и девять грамм — пирожное «Эстергази» — совершенно убийственное, так говорит тавтология. Не забыть дерябнуть Veltliner’а.

Нормальные люди, которым осталось пить Veltliner сколько хотят, могут пить его как хотят, они могут не лить лимонный сок на Венский шницель (они отыграются на следующем), они могут попробовать пирожное, что сидит за стеклом рядышком с «Эстергази», всё одно потом шарить глазами на предмет кельнера и заискивающе улыбаться, «Эстергази», заранее благодарен. Но когда стал считать полнолуния

и ущербы, я бы стал пить Veltliner, как я его, собственно, пил, он час сидел в морозилке холодильника и не успевал превратиться в лёд, как не успеваешь подохнуть повешенный, если искушённый меченосец полоснёт по верёвке, и первый бокал разве что больно не делает ненародившимися льдышками языку и зубам, и главное — не заметить, когда стало тебе хорошо, это такое же недобросовестное веселье и счастье, как несмышлёнышем игра в ку-ку, как родители ищут дитя, натянувшего простынь на голову, при этом ноги торчат и от удовольствия брыкаются, и поймите меня правильно, когда заметишь, всё равно уже хорошо.

Кто устал на порося, обманется, решив, что всему съестному положено по чем отрезать, оттяпаешь кус и пихаешь взад в ножны жареного бока острый как боль в верхней части желудка клинок, чтоб мёртвый товарищ сделал бы впоследствии то же самое, снарядив себя в путь-дорогу, если это страна лентяев, то свинье это запихнули намеренно, если страна дураков, то просто запихнули, пусть сдуру оттяпает. Голенище сапога, если не является вместилищем финки, так это какой не бандит пошёл. Мыслить аллегориями и притчами — два разных способа это делать, и первый никчёмный что неживой воображаемый как аллегория расширенная эпитафия, живопись — та мертва, что не задумана мёртвой, недорого стоит, что не больна столбняком, мои с ней заигрывания призваны наделять её литературными атрибутами, вот пошёл, ухмыляясь, боров аллегории, но на горе мне крадётся тот, у кого сапоги всмятку.

Да и где же они — мои макароны, мне ещё пока можно макароны, их бы должно не быть, когда пропали титул и Атлантида, перед тем как сгинуть полагается заблудиться и уставившись в зеркало кто там не понять, но уже не подумаешь на двойника, дворник старательно подметает память, довольно крепкий малый, раз борется с ветром, что устаивает беспорядок, дворник сметает всё в кучки вздора, ветер не издевается над метельщиком, вскруживая голову листьям, это вот тот, с бляхой, пытается навести свой порядок именем венника.

**ПРЕЖДЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСАНДРА ЧАГОВЦА**

Солнце отоспалось
Льдины тронулись
Ни черта опять вам не понять
Где-то барышни понарошке
На Москве-реке кокошная благодать

Где та барышня испанистка
И на Яузе круговерть
Чёрный дом хмельная записка
Нетеряемой пряди впредь

Где жила она
Чёрт не знает
А узнает — не заведёт
На Оке разминулись Клязьме
Здесь попавшие в переплёт

Танки Манштейна

«Эти твои бабы...»

Застолье

*«Наши границы очерчены
могилами наших солдат...»*

Землячок

Л. Б.

Ничего не прося по мелочи
На восточный брошенный фронт
Я хочу забыть это беличье
Без крестов железных у горла
Опоясанная окопами ошестинившаяся ежом
Безразлична к огню и тротилу
Не до жиру и не до жён
Сталинграда легла скотина
Расстреляешься в кабаке вспоминая
о Сталинграде

Попади ты по рыжей бляди
Брякнет сердце в хромой тоске
Но жестянки и то не те
Только склабятся как-то глупо попривыкшие
к пустоте

Этот Паулюс этот флюс
Трус предатель и падаль
По румынам нас прорывали
Не штандарты валялись шали
трансильванские их кишки
Вместо роз на снега упали

Вот считай теперь обиды
Полукровка — демиург
Эти блядские дриады
Встали в неразрывный круг

Он хохочет круг не хочет
Ни впустить, ни отпустить
Что-то рыжая лопочет
Ну так так тому и быть

Немецкий дом Ванека, Тула

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-75-8

9 0000 >